

Чэн Цзайе тоже удивился:

— Учительница? — Он оттолкнул Цзян Шоюня и заглянул прямо в камеру: — Мам, ты мне ничего не говорила!

Чэн Тун невозмутимо ответила:

— Я думала, ты уже знаешь.

Чэн Цзайе возмущенно воскликнул:

— Я не знал!

Чэн Тун усмехнулась:

— Ну, теперь знаешь.

Чэн Цзайе замолчал в негодовании.

В те годы, когда Чэн Тун работала приглашённым профессором, Чэн Цзайе ещё учился в старших классах. Он не успел окончить университет, когда Чэн Тун завершила контракт и

улетела обратно в Португалию. Поэтому, ранее просматривая «Моменты» Цзян Шоуяня и увидев эмблему университета на академической мантии, он лишь подумал, что это довольно забавное совпадение. Впрочем, столько времени утекло, что он даже не пытался сопоставить даты и понять, учились ли они в одно и то же время.

Подумав об этом, Чэн Цзайе внезапно ощутил досаду. Вот если бы он знал раньше! При наличии такой связи «учитель — ученик» он, глядишь, мог бы и воспользоваться мамиными привилегиями. В конце концов, если сопоставить два статуса — «учитель Цзян Шоуяня» и «мать Чэн Цзайе», — то первый определённо подразумевал куда более близкие и доверительные отношения.

До завершения видеозвонка Цзян Шоуянь пребывал в лёгком оцепенении. Возможно, его оглушило столь неожиданное совпадение, а может, он на мгновение вернулся в полные неловкости и трепета времена студенческой юности. Все заранее заготовленные слова вылетели из головы, и дальнейший разговор шёл чисто на инстинктах — он даже сам не понимал, что именно говорил.

Хотя Цзян Шоуянь всё ещё помнил лицо Чэн Тун, прошло уже восемь или девять лет. Как звали Чэн Тун и что она преподавала на парах, он напрочь забыл. Помнил только, что на её занятиях всегда было очень оживлённо и каждый раз приходило много вольнослушателей. «Разве это нормально?.. — Цзян Шоуянь стиснул пальцы. — Мой парень — сын университетской преподавательницы».

Чэн Цзайе отложил телефон, обернулся и увидел, что Цзян Шоуянь до сих пор витает в облаках. Казалось, ему было немного неловко и в то же время стыдно: его уши вместе с шеей сплошь покрылись розовым румянцем — это было до невозможности мило. Чэн Цзайе перевернулся и подмял его под себя. Дыхание Цзян Шоуяня на пару секунд перехватило от тяжести чужого тела. Уперевшись рукой ему в грудь, он глухо произнёс:

— Тяжёлый.

Чэн Цзайе чуть приподнялся на руках, взял его за подбородок и только было собрался поцеловать, как Цзян Шоуянь закрыл ему рот ладонью. В этот раз Чэн Цзайе потёрся о неё, отодвигая в сторону, прошёлся поцелуями от подушечек пальцев до самых кончиков, оставил на них след зубов и лишь после этого спросил:

— Почему не даёшь поцеловать? Мы ведь уже закончили телефонный разговор.

Цзян Шоуянь немного помолчал.

— Как только вспоминаю, что, когда я учился в университете, ты ещё только переходил в старшие классы... у меня возникает странное чувство.

Чэн Цзайе глухо рассмеялся. Одной рукой он перехватил оба запястья Цзян Шоуяня и прижал их к дивану над его головой. Уголки глаз Цзян Шоуяня тоже едва заметно покраснели. Чэн Цзайе был готов просто утонуть в его глазах. Склонив голову, он потёрся о губы Цзян Шоуяня, соединив их дыхание:

— Я уже давно достиг нужного возраста.

Он пристально смотрел Цзян Шоуяню в глаза, кончиком языка снимал поцелуи со стыка его губ, но намеренно не проникал внутрь. Дыхание постепенно становилось прерывистым и обжигающим. Цзян Шоуянь прищурился, невольно вздёрнул подбородок и приоткрыл губы. Язык Чэн Цзайе скользнул внутрь. Возможно, из-за слишком долгого поддразнивания, когда его язык мазнул по нёбу, тело Цзян Шоуяня на миг охватила сладкая дрожь. И в тот момент, когда его разум опустел, в голове, словно предсмертное озарение, вдруг мелькнула одна очень важная вещь. Он резко откинул голову, Чэн Цзайе с тяжёлым дыханием тут же потянулся следом. Совершенно сбитый с толку поцелуями, Цзян Шоуянь прерывисто пробормотал:

— Твоя мама... м-м, кажется. Ха... сказала, нгх, что нужно... встретиться.

Чэн Цзайе ничего не слышал.

Настал шестой день первого лунного месяца. В одной из кофеен Цзян Шоуянь смотрел на стоящее перед ним пирожное и снова начинал нервничать. Его волнение, на самом деле, абсолютно не отражалось на лице, даже тон голоса ничем не отличался от обычного. Но Чэн Цзайе, проводя с ним так много времени, естественно, заметил мелкие признаки волнения: опущенную голову и украдкой стиснутые пальцы.

Чэн Цзайе пододвинул пирожное чуть ближе и вложил вилку ему в ладонь:

— Почему не ешь?

— Они ещё не пришли, — ответил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе рассмеялся:

— Ничего страшного, моим родителям до этого нет дела.

Цзян Шоуянь отложил вилку.

— Правда не нужно приглашать их на полноценный ужин? — Он повернул голову и огляделся по сторонам: в кофейне было тихо и безлюдно. — Встреча здесь... не слишком ли это несерьёзно?

Встретиться в кофейне предложила Чэн Тун, сославшись на запланированные позже дела. Но Цзян Шоуянь смутно догадывался, что на самом деле Чэн Тун просто заботилась о его чувствах. От её деликатности Цзян Шоуяню становилось немного неловко.

Чэн Цзайе ответил:

— Правда, всё в порядке. Они оба хотят поскорее закончить встречу и пойти гулять. Родители с таким трудом выбрались сюда, а многие достопримечательности ещё не посмотрели. После праздников у них, наверное, не будет достаточно времени для этого.

Не успели отзвучать эти слова, как у входа звякнул дверной колокольчик. Чэн Тун, под руку с отцом Чэн Цзайе, вошла в зал, остановилась и медленно обвела помещение взглядом. Заметив сидевших в углу мужчин, она с улыбкой направилась к ним.

— Долго ждали? — спросила она.

Ощущения от видеозвонка были не столь живыми, но теперь, когда Чэн Тун сидела прямо перед ним, Цзян Шоуянь понял: она почти не изменилась, сохранив спокойную, непринуждённую элегантность. Цзян Шоуянь покачал головой и подвинул к ней лежавшее на столе меню:

— Нет, недолго.

Затем он запнулся на обращении. Поколебавшись, всё же назвал её учителем, но, когда взгляд переместился на супруга Чэн Тун, в голове Цзян Шоуяня мгновенно образовалась пустота. Как там принято называть мужа учителя? Отец Чэн Цзайе тут же пришёл на помощь:

— Можешь называть меня Уилбур.

Цзян Шоуянь послушно повторил имя и тут же под столом ущипнул Чэн Цзайе, который прикрывал ладонью невольную усмешку.

Вскоре принесли кофе — когда руки заняты делом, неловкость ощущается уже не так остро. После краткой светской беседы Чэн Тун взглянула на часы.

— Наша машина должна быть уже здесь.

— Так быстро? — удивился Цзян Шоуянь.

— Угу, — ответила Чэн Тун с улыбкой. — Перед отъездом хочу сделать вам подарок.

Она достала из сумки два билета и пододвинула их к Цзян Шоюаню.

— Билеты на круиз в Антарктиду. Двадцать дней, девятнадцать ночей.

Цзян Шоюань ошарашенно поднял глаза. Взгляд Чэн Тун был исполнен понимания и мягкости. Она не стала ни о чём спрашивать, ничего не объяснила, просто сказала:

— Мы с Уилбуром однажды там бывали. Дрейфовать в открытом море — невероятный опыт: бескрайняя гладь, а потом ледники... Когда видишь новую жизнь на краю вечной мерзлоты, каждый миг тебя посещают незнакомые чувства.

Чэн Тун внимательно посмотрела в глаза Цзян Шоюаню:

— Думаю, тебе понравится.

Цзян Шоуянь прежде никогда не плавал на лайнерах, не говоря уже о путешествии в Антарктиду. Поэтому, лёжа на кровати и глядя с балкона своего номера на бескрайний океан, он всё ещё чувствовал себя как во сне.

Номер представлял собой просторный люкс, в каюте поддерживалась постоянная температура 20°C. Чэн Цзайе затолкал чемоданы в угол и прилёг рядом с Цзян Шоуянем. Обняв его со спины, он прошептал:

— Может, прогуляемся? Посмотрим, что есть на других палубах.

Цзян Шоуянь кивнул, а когда собрался встать, Чэн Цзайе протянул ему куртку:

— Там может быть прохладно.

Лайнер был огромным — девять палуб, полное оснащение, ничем не уступающее пятизвёздочному отелю. Средние три уровня были отведены под каюты, где то и дело проходили люди с разным цветом кожи.

Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе поднялись по лестнице на восьмой этаж. Там располагался небольшой бар, за стойкой которого стоял француз в униформе и ловко смешивал коктейли. Увидев гостей, он радушно их поприветствовал.

— (Здравствуйте, желаете что-нибудь заказать?) — спросил бармен.

— (Нет, спасибо), — ответил Чэн Цзайе.

Бар имел форму полукруга, а панорамные окна во всю стену позволяли любоваться небом и безбрежной гладью океана. Цзян Шоуянь выбрал место и присел.

Они поднялись на борт в числе последних пассажиров. Пока они раскладывали вещи в каюте, лайнер уже медленно выходил из порта, устремляясь в открытый океан. Среди безбрежных вод время словно замедляет свой бег. Небо затянуло серой дымкой, Цзян Шоуянь обмяк в кресле, чувствуя, как всё его тело наконец расслабляется.

Маршруты в Антарктиду обычно начинаются за границей. Билеты, которые дала Чэн Тун, требовали посадки на лайнер в Аргентине. В тот же день, вернувшись, Чэн Цзайе принялся оформлять паспорта и покупать билеты. Спешили изо всех сил: оформляли электронные визы, делали пересадку, даже не успели толком адаптироваться к смене часовых поясов, зато успели на корабль.

Последние несколько дней Цзян Шоуянь был как натянутая струна, и только сейчас его, кажется, окончательно отпустило, а движения стали ленивыми и неспешными. Заметив, что он приуныл, Чэн Цзайе спросил:

— Устал? Пойдём отдохнём в номер или сходим в сауну? Я видел, на этой палубе она есть.

Цзян Шоуянь покачал головой:

— Давай просто посидим здесь.

Чэн Цзайе кивнул, немного побыл рядом с ним, а потом встал, чтобы сходить в уборную. Вернувшись, он обнаружил, что на его месте сидит блондин и пододвигает бокал с напитком поближе к Цзян Шоуяню. Чэн Цзайе приподнял бровь. Цзян Шоуянь, наклонив голову, напряжённо вслушивался в его монолог: блондин что-то оживлённо тараторил на французском. Цзян Шоуянь не понимал ни слова. Но Чэн Цзайе отлично читал лица — интерес в глазах незнакомца был настолько явным, что грозил перелиться через край.

Только Цзян Шоуянь собрался что-то ответить, как со стороны стола протянулась рука и медленно отодвинула бокал назад. Цзян Шоуянь едва заметно улыбнулся, услышав, как Чэн Цзайе произнёс знакомым тоном фразу на языке, которого не знал:

— (Ему нельзя пить.)

Блондин перевёл взгляд с Чэн Цзайе на Цзян Шоуяня, внимательно посмотрел на них обоих, осознал ситуацию и, не раздумывая, встал, взяв бокал:

— (Прошу прощения, я не знал, что у него есть парень.)

Чэн Цзайе вежливо улыбнулся:

— (Ничего страшного.) — И добавил для пущей убедительности: — (Да и на вид этот коктейль — полная гадость.)

Блондин одарил его озадаченным взглядом и удалился. Проводив его глазами, Чэн Цзайе приставил ещё один стул и сел рядом с Цзян Шоуянем. Тот какое-то время молча его разглядывал, пока Чэн Цзайе невозмутимо не спросил:

— Почему ты на меня смотришь?

Цзян Шоуянь усмехнулся:

— Просто так.

Чэн Цзайе смущённо кашлянул:

— Проголодался? Пойдём вниз поедим?

Еда на лайнере подавалась в неограниченном количестве: завтраки, обеды и ужины были представлены в полном ассортименте, все повара — из пятизвёздочных отелей, так что пиршество вкусовым рецепторам было гарантировано.

Войдя в ресторан, Цзян Шоуянь оторопел от разнообразия: омары, улитки, стейки — всё это было разложено на шведском столе, ешь — не хочу. Они выбрали укромный уголок у окна.

Обед только начался, людей было немного. Цзян Шоуянь не слишком ловко управлялся с ножом и вилкой, то и дело извлекая из фарфоровой тарелки характерный звон. Чэн Цзайе помог ему, нарезав стейк на кусочки. Цзян Шоуянь машинально подцепил вилкой помидор черри и поднёс к его губам.

Европейская еда выглядела красиво, вот только вкуса в ней почти не ощущалось. Цзян Шоуянь пожевал немного, чувствуя, что еда совсем пресная. Неизвестно, из-за новой ли обстановки начала путешествия или потому, что он слишком долго сидел на лёгкой диете из-за отсутствия аппетита, но сейчас ему до жути захотелось чего-нибудь острого.

Цзян Шоуянь тщательно прожевал кусок стейка и тихо произнёс:

— Хочу хого. Как думаешь, на корабле есть хого?

Чэн Цзайе сделал глоток йогурта:

— Нет, здесь только европейская еда. — Он помолчал, рассматривая Цзян Шоуяня, и невзначай заметил: — Знаешь, внезапное желание съесть что-то конкретное часто отражает твоё эмоциональное состояние.

Цзян Шоуянь проглотил омара:

— Например?

— Например, если вдруг хочется жареного — значит, в последнее время ты чувствуешь себя одиноким и опустошённым, пытаешься восполнить нехватку чего-то за счёт калорий. Если тянет на торты и шоколад — это жажда объятий и любви, нужда в утешении. А если хочется чего-то жёсткого, требующего жевания, — значит, в последнее время у тебя дела идут не гладко, накопилось подавленное раздражение.

Цзян Шоуянь:

— А если хочется острого?

Чэн Цзайе отложил столовые приборы, и они с мелодичным «дзинь» упали на тарелку:

— Значит, ты чувствуешь, что жизнь скучна, и жаждешь страстей и острых ощущений.

Цзян Шоуянь скептически приподнял бровь.

<http://bllate.org/book/14908/1735469>